

В.Н. Хаустов

«ВОССТАНОВИТЬ КОНТРОЛЬ ПАРТИИ»: ПОПЫТКА РЕФОРМИРОВАНИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (1953–1960-е гг.)

Одним из мифов в постсталинский период истории Советского государства являлось утверждение о том, что органы государственной безопасности вышли из-под контроля правящей коммунистической партии и возникла опасность их определяющего влияния на политику государства. Впервые публично данное положение прозвучало в Постановлении Президиума ЦК КПСС от 10 декабря 1953 г., на заседании которого был утвержден и рекомендован для публикации 17 декабря в газете «Правда» текст сообщения «В Прокуратуре СССР» по делу Л.П. Берии.

В сообщении утверждалось, что Берия, используя свое положение главы Министерства внутренних дел СССР, «стремился в своих вероломных замыслах поставить МВД над партией и правительством для захвата власти и ликвидации советского рабоче-крестьянского строя в целях реставрации капитализма и восстановления господства буржуазии»¹.

Данный тезис не являлся чем-то новым для высшего руководства страны, а регулярно использовался в процессе проведения кадровых перестановок в органах государственной безопасности и определенных изменений как в карательной политике, так и в корректировке политического курса. Необходимо учитывать также, что решения партии о деятельности органов государственной безопасности на протяжении советского периода истории Российского государства являлись закрытой темой, секретной информацией и были недоступны для общественности. Завеса секретности была снята только в период «перестройки» и «гласности», связанных с именем М.С. Горбачева.

¹ Лаврентий Берия. 1953: стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и др. документы / под ред. А.Н. Яковлева; сост. В. Наумов, Ю. Сигачев. М., 1999, С. 383.

Высшим руководством страны постоянно использовался обычный прием для обвинения руководства органов госбезопасности в попытках невыполнения решений партии или «сознательном» проведении антипартийной деятельности. 28 июня 1953 г. уже после ареста Берии в ЦК КПСС лично Н.С. Хрущеву направил заявление бывший начальник Львовского управления МВД СССР Т.А. Строчак. Он указывал на то, что от него требовали сбора информации о партийных руководителях области, то есть нарушалась сложившаяся практика контроля со стороны партии за органами госбезопасности. Берия, узнав об этом, отстранил его от должности, и тот находился в Москве в распоряжении МВД. Факт появления такого письма вполне объясним тем, что Строчак достаточно длительное время работал на Украине министром внутренних дел под руководством Хрущева.

Начало такой фарисейской тактике в отношении органов госбезопасности, утверждению об их самостоятельной роли и своеобразном «государстве в государстве» было положено в 1937 г., когда был арестован бывший нарком НКВД Г.Г. Ягода. В одном из первых протоколов допроса от 26 апреля 1937 г., который был направлен И.В. Сталину, подчеркивалось положение о том, что Ягода якобы совместно с правыми, троцкистами и зиновьевцами подготавливал переворот, что ими «ставился вопрос о смене руководства партии и советской власти, об отстранении Сталина...»² До ареста был использован применявшийся в дальнейшем прием в данном конкретном случае для «разоблачения Ягоды».

На февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г. упоминался не только начальник Секретно-политического отдела (СПО) Главного управления госбезопасности НКВД СССР Г.А. Молчанов, который якобы по заданию Ягоды тормозил выполнение директив партии о разоблачении троцкистов и правых, но и начальник отдела СПО Управления госбезопасности по г. Москве и области А.П. Радзивилловский. По заданию В.Е. Цесарского, начальника учетно-регистрационного отдела НКВД, работавшего в аппарате ЦК ВКП(б) под руководством Н.И. Ежова и перешедшего в наркомат внутренних дел, Радзивилловский в ноябре 1936 г. написал заявление на имя наркома о том, что руководство (Г.Г. Ягода и др.) не проявляло активности в проведении линии партии по разоблачению троцкистов. Эта записка была направлена в ЦК ВКП(б), спасла его от ареста, а содержание доноса давало новые факты для «разоблачения» Ягоды³.

В процессе изменения карательной политики аналогичный прием был применен при подготовке ареста наркома НКВД Н.И. Ежова. По указанию нового заместителя наркома Л.П. Берии начальник управления НКВД по Ивановской области В.П. Журавлев 13 ноября 1938 г. направил записку в ЦК ВКП(б) на имя Сталина. В ней он отмечал факты отказа сотрудников включать в протоколы допросов показания на партийных работников, арестованных в дальнейшем и приговоренных к расстрелу. Аресты оперативных работников и обвинения их в принадлежности к правотроцкистскому блоку часто не встречали поддержку в центральном аппарате НКВД, и, наоборот, Журавлев заработал славу создателя «липовых» следственных дел. Нарком Ежов при этом не давал санкции на аресты сотрудников НКВД⁴. Сталин после ознакомления с запиской адресовал ее членам Политбюро ЦК ВКП(б) для последующего обсуждения на очередном заседании, которое состоялось 19 ноября.

Но судьба Ежова была уже предрешена. 17 ноября 1938 г. было принято Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», положения которого свидетельствовали о прекращении массовых репрессий, ответственность за которые возлагалась на руководящий состав НКВД. Организаторы государственного террора в стране обвинили в извращении советских законов исполнителей преступных приказов, принятых на заседаниях Политбюро ЦК ВКП(б).

Сталин, лично контролировавший ход массовых операций, дававший конкретные указания о направлениях деятельности органов госбезопасности, знавший большинство начальников управлений НКВД, в один момент превратил их во врагов народа, агентов иностранных разведок, которые якобы «пытались оторвать работу органов НКВД и Прокуратуры от партийного контроля и руководства...»⁵ Сталин, позволивший в период 1936–1938 гг. сотрудникам органов госбезопасности с его санкции проводить массовые аресты, «чистку» партийно-советской номенклатуры, решил усилить влияние партийного руководства на местах и полностью подчинить им органы госбезопасности.

20 сентября 1938 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление об утверждении в ЦК ответственных работников ряда наркоматов и ведомств, в том числе и НКВД.

² Генрих Ягода. Нарком внутренних дел СССР. Генеральный комиссар государственной безопасности: сб. док. Казань, 1997. С. 113.

³ Центральный архив ФСБ России. Архивное следственное дело Н-14980. Т. 1. Л. 292.

⁴ Архив Президента Российской Федерации. Ф. 3. Оп. 58. Д. 406. Л. 1–5.

⁵ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сб. док.: в 8 т. Т. 1: Накануне. Кн. 1: Ноябрь 1938 г. – декабрь 1940 г. М., 1995. С. 5.

Для дальнейшего закрепления главенствующего положения партийных органов во взаимоотношениях с НКВД 14 ноября того же года была направлена директива ЦК ВКП(б), конкретизирующая организацию учета, проверки и утверждения руководящих работников наркомата внутренних дел. В отличие от предшествующего периода произошло значительное расширение круга утверждаемых. Такой проверке в ЦК подлежали все ответственные работники центрального аппарата Наркомвнудела от высших должностей до начальников отделений.

В центре утверждались также сотрудники местных органов: наркомы союзных и автономных республик, начальники и заместители краевых, областных управлений, начальники отделов, а также начальники городских и районных отделений. На каждого такого сотрудника заводилось личное дело, которое отныне должно было храниться в соответствующем партийном органе. Предусматривалось, что заведующий отделом руководящих партийных органов и один из секретарей обкома, крайкома, ЦК нацкомпартий персонально ознакомливается с каждым из утверждаемых.

Важно отметить, что данная работа должна была проводиться, не дожидаясь представления в партийные органы руководящего состава начальником соответствующего НКВД, роль которого отодвигалась на второй план. В процессе проверки ставилась задача очищения «от всех враждебных людей, обманном путем проникших в органы НКВД». В отношении всех остальных работников местных органов устанавливался порядок, когда требовалось решение партийного органа для их утверждения в должности⁶.

Сталин вскоре еще больше укрепил позиции номенклатуры. Он лично внес изменения в приказ НКВД СССР о запрещении вербовок агентов и осведомителей из числа ответственных руководящих работников партийных, советских, хозяйственных, профессиональных и общественных организаций, а также обслуживающего персонала партийных органов. Все личные и рабочие дела агентов и осведомителей были уничтожены. Приказ был утвержден 26 декабря 1938 г. без протокола опросом членов Политбюро ЦК ВКП(б)⁷.

В послевоенные годы недовольство Сталина обрушилось на министра госбезопасности В.С. Абакумова за недостаточную активность в деле разоблачения «врачей-вредителей», неудавшуюся попытку обвинения некоторых партийных руководителей, проходивших по

⁶ Лубянка. Сталин и Главное управление государственной безопасности НКВД. Архив Сталина: док. высших органов парт. и гос. власти. 1937–1938 / сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. М., 2004. С. 604–605.

⁷ Там же. С. 631.

«ленинградскому делу» в связях с английской разведкой, и другие факторы. В подготовленном обвинительном заключении содержались те же формулировки о «попытках оторвать чекистский аппарат от партии, систематическом нарушении решений партии и правительства, направленных на усиление государственной безопасности, умышленном “смазывании” дел на шпионов, террористов, еврейских националистов и других особо опасных государственных преступников». Министр госбезопасности Абакумов обвинялся в создании «вражеской группы с целью проведения подрывной работы против партии и правительства»⁸.

Как и в предшествующие периоды, поводом для устранения министра госбезопасности Абакумова стало заявление старшего следователя следственной части по особо важным делам М.Д. Рюмина, которого Абакумов в 1945 г. перевел в центральный аппарат МГБ из Архангельска. В заявлении Рюмин напоминал о деле «врачей-вредителей», недостатках в контрразведывательной работе. Вполне объективной является версия о том, что письмо Рюмина попало к Сталину при помощи Г.М. Маленкова и его помощника Д.Н. Суханова⁹.

Соратники Сталина, имея богатый опыт, использовали апробированные сценарии и при аресте Берии.

Таким образом, на протяжении истории Советского государства в течение 1920 – начале 1950-х гг. органы государственной безопасности находились под постоянным контролем правящей коммунистической партии. Формулировка об их бесконтрольной деятельности была использована для того, чтобы отвести удар от главных виновников создания жесткой системы применения мер насилия в отношении населения страны.

Реформирование органов госбезопасности носило противоречивый и непоследовательный характер. Изменения носили скорее количественный, а не качественный характер. Некоторые преобразования свидетельствовали о смягчении политического режима в стране.

Во второй половине 1950-х гг. активизировалась работа по восстановлению в деятельности органов госбезопасности принципов законности. Был проведен ряд мероприятий, способствовавших формированию новой политической атмосферы уважения прав человека в обществе: были отменены законодательные акты, являвшиеся отступлением от обычных норм судопроизводства, ликвидированы органы внесудебного рассмотрения дел, повышена роль прокурорского

⁸ Лубянка. Сталин и МГБ СССР. Март 1946 – март 1953: док. / сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. М., 2007. С. 570–571.

⁹ См.: Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М., 2001. С. 455–456.

надзора, в стране развернулась работа по пересмотру архивных уголовных дел в отношении лиц, осужденных и отбывающих наказание за государственные преступления.

Стабильное развитие государства было невозможно без реабилитации жертв политических репрессий и пересмотра дел в отношении советских граждан, осужденных за государственные преступления. По решению ЦК КПСС от 4 мая 1954 г. в центре и на местах образовывались специальные комиссии. Это была первая волна реабилитации.

Важное значение имел Указ Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1955 г. «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», действие которого распространялось и на военнослужащих, попавших в плен и осужденных после освобождения.

Органами госбезопасности было прекращено значительное количество необоснованно заведенных разработок на советских гражданах. Выступая на Всесоюзном совещании руководящих работников в мае 1959 г., председатель КГБ при СМ СССР в 1958–1961 гг. А.Н. Шелепин подчеркнул, что органами госбезопасности разрабатывается 0,9% лиц, состоящих на оперативном учете, и потребовал исключения из оперучетов лиц, разработка которых не проводится.

Впервые в деятельности органов госбезопасности стали использоваться формы работы, которые способствовали установлению связи с массами, снятию завесы секретности и конспиративности. Оперативные работники были обязаны регулярно выступать перед трудовыми коллективами, рассказывая о деятельности разведок иностранных государств для повышения политической бдительности советских людей. Стали практиковаться выступления сотрудников по радио и телевидению, публикации статей в центральных и местных газетах, встречи ветеранов органов госбезопасности с трудящимися. Цель подобных мероприятий заключалась в том, чтобы способствовать формированию нового взгляда советских граждан на деятельность органов госбезопасности, скомпрометированных правящей партией в предшествующий период.

С учетом изменений в деятельности аппарата государственного управления и его перестройкой, связанной с усилением коллегияльных начал, был создан *институт членов Комитета государственной безопасности*, а затем *Коллегия КГБ при СМ СССР*. В целях усиления коллективного обсуждения вопросов деятельности органов госбезопасности, обмена опытом работы и выработки рекомендаций по ее дальнейшему совершенствованию стали регулярно проводиться Всесоюзные совещания руководящих работников органов госбезопасности (первое – в 1954 г., второе – в 1957 г. и др.). Стали практиковаться всеобщие совещания оперативных работников по линиям работы.

В целях экономии государственных средств было проведено сокращение численности личного состава почти в два раза, упразднены почти 4 тыс. городских и районных аппаратов. Сокращения штатов сотрудников начались при председателе КГБ И.А. Серове, который охарактеризовал уволенных как «не внушающих политического доверия, злостных нарушителей социалистической законности, карьеристов, морально неустойчивых, малограмотных и отсталых работников». 1 декабря 1954 г. принимается указание КГБ при СМ СССР «О замене оперативных работников, не имеющих необходимой подготовки и не обеспечивающих порученное им дело». Прослеживается тенденция обновления кадрового состава путем изгнания тех, кто был принят на службу в органы госбезопасности в сталинский период, принимал участие в массовых репрессиях, имел низкий образовательный уровень. В течение 1954–1957 гг. за нарушение законности, злоупотребление служебным положением и аморальные поступки были уволены 2300 человек, причем из центрального аппарата – около 2 тыс. сотрудников. Были заменены практически все руководящие работники управлений и отделов, 40 сотрудников лишены генеральских званий¹⁰.

В связи с сокращениями личного состава и понижением должностных окладов среди сотрудников царили настроения растерянности и уныния, отсутствия перспективы. В коллективном письме сотрудников УКГБ по Свердловской области, направленном в июне 1954 г. в ЦК КПСС, с которым ознакомился Н.С. Хрущев, наряду с этим отмечалось, что имеют место мнения о ненужности контрразведывательных органов в период перехода от социализма к коммунизму¹¹.

Итоги кадровых изменений в январе 1963 г. подвел вновь назначенный на эту должность В.Е. Семичастный (председатель КГБ в 1961–1967 гг.). В отчете, представленном в Президиум ЦК КПСС, он отмечал, что с 1954 г. из органов госбезопасности были уволены более 46 тыс. офицеров.

Одновременно проходили значительные структурные преобразования. Количество оперативных подразделений в административных районах СССР было сокращено более чем на 75%. Было признано нецелесообразным иметь их в сельскохозяйственных районах. К 1967 г. имелось всего 734 аппарата на 3300 районов.

¹⁰ См.: Лубянка. Органы ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ. 1917–1991: справочник: док. / под ред. акад. А.Н. Яковлева; авт.-сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М., 2003. С. 688–689.

¹¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 47. Д. 13. Л. 30–34.

Экономические и транспортные управления занимали существенное место в структуре КГБ. Сталинское видение роли органов госбезопасности заключалась в том, что они выполняли функции контроля, проверки выполнения важнейших народнохозяйственных планов. И если контрразведывательное обеспечение так называемых спецобъектов – предприятий оборонной промышленности – не вызывает никаких сомнений, то обслуживание различных отраслей промышленности, транспорта, сельского хозяйства соответствовало сложившейся сверхцентрализованной нерыночной экономике.

В соответствии с Постановлением ЦК КПСС и СМ СССР от 5 февраля 1960 г. произошло укрупнение оперативных управлений органов государственной безопасности с одновременным сокращением их численности. Самостоятельные Управления – 4-е (борьба с антисоветским подпольем, националистическими и враждебными элементами), 5-е (контрразведывательная работа на особо важных государственных объектах) и 6-е (контрразведывательная работа на транспорте) – вошли в состав 2-го Главного управления с одновременным сокращением личного состава. Это объединение привело к значительному сужению сфер деятельности органов государственной безопасности. Лишено статуса главного было 3-е Главное управление (военная контрразведка), стало просто управлением. Следственное управление превратилось в следственный отдел КГБ при СМ СССР.

Определенные изменения произошли в деятельности органов госбезопасности как органов политического розыска в целях обеспечения стабильного внутривластного развития. Функция политического розыска является абсолютно нормальным явлением для любого государства в борьбе с силами, использующими насильственные методы для смены руководства, и борьбе с террористическими проявлениями.

Но направления политического розыска в наибольшей степени обусловлены сложившейся системой законодательной, исполнительной и судебной власти.

В документах КПСС этого периода ставился вопрос не о врагах, а об обработанных иностранными разведками в антисоветском духе отдельных неустойчивых в политическом и моральном отношении советских гражданах, о вербовке их в качестве своих агентов – с использованием при этом всякого рода ухищрений, провокаций и диверсий на идеологическом фронте. Таким образом, изменение общего курса карательной политики отразилось и на понимании того, какого рода советские граждане представляют опасность для общества.

Понятия «внутренний враг» и «враждебный элемент» были заменены на «антисоветский элемент». Советское руководство продолжало считать определенную часть советского общества носителями

чуждых взглядов, появление которых связывалось, главным образом, с влиянием западной идеологии.

Внутренние проблемы, которые на фоне экономических трудностей возникали в идеологической сфере после развенчания культа личности Сталина, оказывали существенное влияние на деятельность органов госбезопасности в области политического розыска. Здесь в наибольшей степени проявлялись непоследовательность и возвращение (в более мягкой форме) к сталинской риторике.

После венгерских событий 1956 г. в партийные организации 19 декабря 1956 г. направляется Постановление Президиума ЦК КПСС с письмом ЦК КПСС «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских враждебных элементов». К ним было отнесено «вражеское охвостье», к которому были причислены вышедшие из мест заключения, «троцкисты, правые оппортунисты и буржуазные националисты». Вновь ставился вопрос о коммунистах, которые скатывались на антипартийные позиции¹².

В итоге резко возрастает карательная активность органов госбезопасности. В 1957–1958 гг. было арестовано и осуждено за антисоветскую агитацию и пропаганду более 42% от общего числа осужденных по этой статье за период с 1957 по 1987 г.¹³

После громогласных заявлений Хрущева о «небывалом единстве политических убеждений» советского народа, отсутствии в тюрьмах осужденных по политическим мотивам, прозвучавших в его выступлении на XXI съезде КПСС, последовали новые события.

После расстрела в июне 1962 г. мирной демонстрации рабочих электровозостроительного завода в г. Новочеркасск, возмущившихся повышением цен на мясомолочные продукты и одновременным снижением заработной платы, усиливается функция политического розыска в борьбе с инакомыслием и протестными движениями. На заседании Президиума ЦК КПСС 19 июля 1962 г. было принято решение об увеличении численности территориальных органов госбезопасности на 400 военнослужащих, а также утверждены приказы КГБ и Генерального прокурора по вопросам усиления борьбы с враждебными проявлениями антисоветских элементов¹⁴.

Рост оппозиционного движения в стране привел к ужесточению уголовного законодательства, принятие новых статей позволило аре-

¹² РГАНИ. Ф. 89. Оп. 6. Д. 2. Л. 1–13.

¹³ См.: Крамола. Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежнев. 1953–1982 годы. М., 2005. С. 36.

¹⁴ Лубянка. Органы ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ... С. 702–710.

стовывать и судить граждан за инакомыслие. В 1962 г. Уголовный кодекс дополняется статьей 70 о так называемой антисоветской агитации. В 1966 г. Верховный Совет РСФСР принял Указ о дополнении Уголовного кодекса РСФСР статьей 190 (1–3), которая имела непосредственное отношение к ограничению демократических прав граждан.

Во второй половине 1960-х гг. по мере роста оппозиционного движения внутри страны принимается решение о создании специального управления по борьбе с идеологической диверсией. В создании этого управления важная роль принадлежала новому председателю КГБ Ю.В. Андропову (с 1967 по 1982 г.). В записке, направленной 3 июля 1967 г. в ЦК КПСС, он, ссылаясь на наращивание подрывных действий реакционных сил, отмечал, что противники делают ставку на создание антисоветских подпольных групп, различных националистических организаций, оживление реакционной деятельности церковников и сектантов. В связи с этим Андропов предлагал создать как в центре, так и на местах самостоятельные управления или отделы и возложить на них задачи организации контрразведывательной работы по борьбе с акциями идеологической диверсии на территории страны. Он просил также создать дополнительно 200 аппаратов КГБ в городах и районах и увеличить численность органов КГБ на 2250 человек.

На заседании Политбюро ЦК КПСС от 17 июля 1967 г. предложения Андропова о создании 5-го Управления КГБ при СМ СССР по борьбе с идеологическими диверсиями противника и увеличении численности органов КГБ были утверждены¹⁵.

В дальнейшем происходило расширение участия органов госбезопасности во всех сферах жизни советского общества. Это было связано с тем, что вся деятельность Комитета государственной безопасности в соответствии с Положением о нем, принятом в марте 1959 г., находилась под непосредственным руководством и контролем Центрального Комитета КПСС.

Бесплодность попыток реформирования органов госбезопасности была обусловлена неспособностью советского руководства осуществить радикальные экономические и политические преобразования в стране.

¹⁵ Лубянка. Органы ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ... С. 711–714.